
Милана Панова
Погода по записи
72
«Внук приезжает из армии в субботу. Пусть будет солнце».
«Огород на седьмом километре. Полить бы до вторника».
«Хочу снег. Маша, 6 лет».
75
Метеорология
Климат России
Атмосферные процессы
Камышин
Дождь
Солнце
Снег

Милана Панова

Погода по записи

«Автор»
2026

Панова М.

Погода по записи / М. Панова — «Автор», 2026

Бабушка оставила мне кастрюлю, в которой варится погода. Гроза влюбилась в громоотвод, туман пишет стихи. А мой красный диплом синоптика здесь не работает.Вера верит в циклоны, атмосферные фронты и точные расчёты. Но когда бабушка попадает в больницу, выясняется, что та сорок лет варила погоду для всего Камышина в обычной эмалированной кастрюле на пятом этаже. Теперь это дело Веры.Ей достались кастрюля, ворчливый ветер из вентиляции («раньше дуло лучше!») и тетрадь у почтовых ящиков, куда горожане пишут заказы о прогнозе погоды. Только погода здесь живая и с характером. Гроза-подросток от несчастной любви лупит молниями в громоотвод, туман по утрам пишет над Волгой стихи, а град так и рвётся похулиганить.Тем временем в город приходит солнце по подписке. 990 рублей в месяц, и над вашей улицей ясно. Не заплатили? Извините.Смешная и тёплая история о капризных тучах, ветре-ворчуне и о том, почему погода должна быть общей, даже если она никому не нравится.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прогноз не сбылся 5
Глава 2. Кастрюля 8
Глава 3. Баба Капа 11
Глава 4. Первая погода 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Милана Панова
Погода по записи

Глава 1. Прогноз не сбылся

Вера Горохова ошибалась в прогнозах на родной город с точностью сто процентов.

Это было удивительно. Это было даже статистически невозможно. Вера работала ведущим синоптиком в московском погодном сервисе «Небо.Про» — приложение стояло на двенадцати миллионах телефонов, — и её прогнозы считались лучшими в компании. Москва — девяносто четыре процента попаданий. Петербург — девяносто один. Казань, Екатеринбург, Новосибирск — за восемьдесят пять. Её модели хвалили на конференциях. Её графики висели на стенах в отделе. Её звали «Вера-Верная».

А Камышин — не сходился.

Никогда. Ни разу. За шесть лет работы.

Вера давала на Камышин «ясно, +32, ветер юго-восточный, слабый» — в Камышине шёл ливень с градом. Вера давала «облачно, кратковременные дожди» — в Камышине стоял штиль и сорок градусов в тени. Вера давала на Новый год «снег, метель» — в Камышине на Новый год цвела сирень. В двух дворах. Остальные двести — нет. Это даже показывали по местному телевидению.

Камышин был её личным позором. Маленький городок на Волге, сто с небольшим тысяч человек, арбузы, степь, — и её модели, лучшие модели в компании, разбивались о него, как волна о бетон.

— Вера Андреевна, — сказал ей однажды начальник отдела, Игорь Валентинович, рассматривая график точности. — У вас Камышин — ноль процентов.

— Знаю, — сказала Вера.

— Ноль. Не тридцать. Не пятнадцать. Ноль. — Игорь Валентинович снял очки. — Вы понимаете, что так не бывает? Даже если бросать монетку — пятьдесят процентов. Даже если давать прогноз наугад — хоть иногда попадёшь. А у вас — ноль. Как будто… — Он помолчал. — Как будто кто-то специально делает наоборот.

— Это мой родной город, — сказала Вера.

— И что?

Вера помолчала.

— Там бабушка живёт, — сказала она. — Она говорит — не надо на Камышин прогнозы давать. Говорит — «у нас погода по записи».

Игорь Валентинович долго смотрел на неё.

— Это что значит?

— Не знаю, — честно сказала Вера. — Она всегда так говорит.

Вера Горохова уехала из Камышина в восемнадцать лет. Поступила на географический в МГУ, на кафедру метеорологии. С красным дипломом закончила. Пошла в Гидрометцентр. Потом — в «Небо.Про», где платили втрое больше. Тринадцать лет в Москве.

Ей был тридцать один год. Она жила одна, в съёмной однушке на Профсоюзной. У неё были три монитора дома и пять на работе. У неё была аллергия на кошек, нелюбовь к сюрпризам и привычка проверять прогноз погоды перед тем, как выйти за хлебом. У неё не было мужа, детей, кота и выходных.

Бабушку она навещала раз в год. На Новый год. На три дня. Иногда — не каждый год.

Бабушку звали Капитолина Аркадьевна Горохова. Баба Капа. Семьдесят шесть лет. Жила одна — в двухкомнатной квартире на пятом этаже панельной девятиэтажки на улице Ленина. Вырастила Веру одна — с пяти лет. После того, как Верина мама ушла.

Не умерла. Ушла.

Вера не любила об этом думать. Она вообще не любила думать о том, чего не могла посчитать.

Звонок раздался в среду, в одиннадцать вечера.

Вера сидела перед тремя мониторами. Строила модель на выходные — для Центрального федерального округа, с учётом атлантического циклона. Над Европой шёл фронт. Красиво шёл. Предсказуемо.

Номер был незнакомый. Камышинский.

— Алло?

— Верочка? — Женский голос. Пожилой. Встревоженный. — Верочка, это Людмила Степановна. Соседка бабушкина. С четвёртого этажа. С рассадой.

Вера помнила. Людмила Степановна — у неё весь балкон был в рассаде. Помидоры, перцы, баклажаны. Даже зимой.

— Людмила Степановна. Что случилось?

— Бабушку твою на скорой забрали, — сказала Людмила Степановна. — Час назад. Давление. Двести двадцать. Криз. Она на кухне упала. Хорошо, я услышала — грохнуло. Кастрюля, видать, упала. — Пауза. — Верочка, она сейчас в городской. В реанимации. Врач сказал — нестабильно.

Вера сидела перед мониторами. Атлантический фронт на экране медленно полз над Польшей.

— Я приеду, — сказала она.

— Приезжай, Верочка, — сказала Людмила Степановна. И вдруг понизила голос. — И ещё. Верочка. У бабушки на кухне… там кастрюля на плите. Я газ выключила, когда скорая уехала. — Пауза. — А оно не остывает.

— Что не остывает?

— Кастрюля, — сказала Людмила Степановна. — Газ выключен. А она кипит. Второй час. — Пауза. — И гремит.

— Гремит?

— Гремит, — сказала Людмила Степановна. — Внутри. Как гром. Только маленький.

Вера помолчала.

— Людмила Степановна, — сказала она осторожно. — Вам, может, тоже давление измерить?

— Сто тридцать на восемьдесят, — с достоинством ответила соседка. — Я каждый день меряю. Ты, Верочка, приезжай. Сама посмотришь.

Поезд «Москва — Камышин» шёл девятнадцать часов.

Вера взяла на работе неделю за свой счёт. Игорь Валентинович отпустил легко — «Езжайте, Вера Андреевна, семья — это важно, и заодно посмотрите, что там у вас с погодой творится, может, поймёте, почему ноль процентов».

Ехала в купе. С соседями — пожилой парой из Саратова и молодым военным, который всю дорогу спал на верхней полке. Пожилая пара пила чай и разговаривала о внуках. Вера сидела у окна. С ноутбуком на коленях. Смотрела прогноз.

На Камышин её модель давала: «Ясно. +29. Ветер северо-западный, 3–5 м/с. Без осадков».

Сто процентов вероятности.

Вера смотрела на эту строчку и почему-то была уверена, что когда приедет — пойдёт дождь.

Поезд пришёл в Камышин в шесть вечера.

Шёл дождь.

Не просто дождь. Ливень. Стеной. Тёплый, летний, июльский, с крупными тяжёлыми каплями, которые били по перрону, как горох. Небо — чёрное. Над вокзалом — гроза. Молнии — одна за другой. Гром — такой, что дрожали стёкла в вагоне.

Вера вышла на перрон. Без зонта — зонта она не взяла, прогноз был «ясно». Промокла за три секунды.

Подняла голову. Посмотрела на небо.

Туча стояла над вокзалом. Одна. Чёрная, низкая, круглая, как перевёрнутая кастрюля. Вокруг неё — Вера видела, — вокруг неё до самого горизонта было чистое, ясное, золотисто-вечернее небо. Солнце садилось за Волгу.

А над вокзалом — туча. Одна. И гремела.

Прямо над Верой.

Вера стояла на перроне под ливнем. Смотрела на тучу.

Туча смотрела на неё.

Вера была синоптиком. Тринадцать лет. Она знала, как образуются кучево-дождевые облака. Она знала, что такое конвекция, точка росы, атмосферный фронт. Она знала, что туча не может стоять над одним вокзалом при ясном небе вокруг. Не может. Физически.

Туча громыхнула. Коротко. Как будто кашлянула.

И Вере показалось — показалось, конечно, от недосыпа, от поезда, от нервов, — что в громе было слово.

«Наконец-то».

Глава 2. Кастрюля

Бабушкина квартира была на пятом этаже. Лифт не работал — как всегда. Вера поднималась по лестнице, мокрая насквозь, с чемоданом, с ноутбуком в рюкзаке, и с каждым этажом ей становилось всё страннее.

На втором этаже пахло жареной картошкой. Нормально.

На третьем — кошками. Нормально.

На четвёртом — землёй и помидорной рассадой. Людмила Степановна. Нормально.

На пятом пахло грозой.

Не дождём. Не мокрым асфальтом. Именно — грозой. Как пахнет воздух сразу после молнии — остро, свежо, электрически. Озоном. И ещё — чем-то сладким. Липовым цветом. И мокрой полынью. И степью.

На лестничной площадке пятого этажа, у бабушкиной двери, стояла Людмила Степановна. Маленькая, круглая, в халате, в шлёпанцах, с ключами.

— Верочка! — Она всплеснула руками. — Мокрая вся! Под тучей шла?

— Под ливнем, — сказала Вера.

— Под тучей, — повторила Людмила Степановна. Многозначительно. — Над вокзалом стояла. Я в окно видела. Одна. — Пауза. — Это она тебя встречала.

— Кто?

— Галочка, — сказала Людмила Степановна. И открыла дверь.

Вера знала эту квартиру наизусть. Двадцать лет прожила. Коридор — узкий, с вешалкой, с зеркалом, с полкой для обуви. Комната бабушкина — с сервантом, с телевизором, с ковром на стене. Её, Верина, комната — маленькая, с письменным столом, с полками, с плакатом «Атмосферные фронты Северного полушария» на стене, который она повесила в девятом классе. Кухня — шесть метров, с газовой плитой, холодильником «Саратов», столом под клеёнкой.

Всё было на месте.

Только всё было — немного не так.

На вешалке в коридоре висел бабушкин плащ. Мокрый. Капало с него — на пол. Хотя бабушку увезли вчера, и дождя вчера, по словам Людмилы Степановны, не было.

Зеркало в коридоре запотело. Изнутри. На нём кто-то нарисовал пальцем — облачко. Маленькое. Улыбающееся.

А из кухни доносился звук.

Бульканье. Глухое, тяжёлое, как будто кипит что-то густое. И — изредка — тихий раскат. Маленький. Как гром, только размером с кастрюлю.

Вера медленно пошла на кухню.

На газовой плите стояла кастрюля.

Эмалированная. Белая. С синими цветочками по боку. Пятилитровая. Старая — эмаль местами отбита, на дне чернели проплешины. Бабушка в ней варила борщ, сколько Вера себя помнила.

Газ под ней был выключен. Ручка конфорки — в положении «выкл». Вера проверила. Дважды.

А кастрюля кипела.

Крышка подпрыгивала. Из-под неё валил пар — не белый, а серый, тяжёлый, клубящийся. Пар поднимался к потолку и там, под потолком, собирался в маленькое облако. Тёмное. Размером с подушку. С подсвеченными изнутри краями.

Облако висело под потолком кухни. И из него — Вера видела, — из него шёл дождь. Мелкий. Тёплый. Прямо на клеёнку на столе. На стол. На пол. На подоконник с бабушкиной геранью.

Герань стояла мокрая и довольная.

— Это… — сказала Вера.

— Это дождь, — сказала Людмила Степановна у неё за спиной. — Варится. Капитолина Аркадьевна на завтра ставила. Для Дачного. Там огороды. Они просили — к вечеру пятницы полить.

Вера медленно повернулась к ней.

— Людмила Степановна. Вы что сейчас сказали?

— Дождь, — повторила соседка. Терпеливо. Как ребёнку. — Для Дачного. По записи. — Она кивнула на холодильник. — Вон, журнал висит.

На холодильнике, на магните в виде арбуза, висела тетрадь. Общая, девяносто шесть листов, в клеёнчатой обложке. На обложке бабушкиным почерком — крупным, острым, с наклоном — было написано:

«ЖУРНАЛ ЗАПИСИ. ПОГОДА. ИЮЛЬ».

Вера сняла тетрадь. Открыла. На последней исписанной странице:

«Пт, 18.07.

— Дачный посёлок (СНТ "Волжанка", "Рассвет", "Мичуринец") — дождь к вечеру, умеренный, 15–20 мм. Огороды. Записывались: Кравченко, Ильина, Семёнов, ещё 40 подписей.

— ул. Пролетарская, 14 — Сафроновы, свадьба, 14:00–18:00. Без дождя! Солнце! Записывалась: невеста, Оля.

— Набережная — вечер, тихо, без ветра. Записывались: рыбаки, Петрович и компания.

— Кладбище — с 11:00 до 13:00 тихо, пасмурно, без дождя. Похороны деда Гурьева. Записывалась: внучка.

ВНИМАНИЕ: Дачный и Пролетарская — рядом. Развести! Дождь — строго после 18:00 и строго восточнее Пролетарской. Галочку держать.»

Вера читала. Перечитывала.

Под потолком маленькое облако тихо громыхнуло.

— Людмила Степановна, — сказала Вера очень спокойно. — Моя бабушка… моя бабушка что, заказывает погоду?

— Не заказывает, — сказала Людмила Степановна. — Делает. — Пауза. — Варит.

— Варит.

— В кастрюле, — кивнула Людмила Степановна. — Сорок лет уже. Я тут с семьдесят девятого живу. Она варит. — Соседка посмотрела на облако под потолком. — Весь Камышин знает. Ну, не весь. Наш подъезд. И соседний. И Дачный. И Пролетарская. — Она подумала. — Ну, половина города знает. Записываются.

— Записываются, — повторила Вера.

— В журнал, — сказала Людмила Степановна. — Он внизу висит. У почтовых ящиков. Копия. А этот — бабушкин, рабочий. Она по нему варит. — Соседка вздохнула. — Ты, Верочка, правда не знала? Двадцать лет тут жила — и не знала?

Вера стояла посреди кухни. С журналом в руках. Под облаком.

Двадцать лет.

Бабушка вечно что-то варила на кухне. Вечно. В этой самой кастрюле. По ночам. Вера просыпалась — на кухне свет, кастрюля на плите, бабушка мешает. «Ба, ты чего?» — «Спи, Верка. Борщ на завтра». Вера засыпала. Утром — борщ.

А ещё утром — дождь. Или солнце. Или туман над Волгой. Или — в тот самый день, когда Вера сдавала ЕГЭ по географии, и бабушка сказала накануне: «Иди, Верка, не бойся, погода будет хорошая», — идеальное утро. Ясное, свежее, без единого облачка. Посреди трёхнедельных ливней.

Вера тогда подумала — повезло.

— Я думала, это борщ, — сказала она.

— Борщ тоже был, — сказала Людмила Степановна. — Она в той же кастрюле. Через день. Говорила — дождь от борща вкуснее. — Пауза. — То есть борщ от дождя.

И тут из вентиляции сказали:

— Ну наконец-то хоть кто-то приехал.

Голос был старческий. Хриплый. Сухой. Шелестящий, как листья в октябре. С лёгким присвистом.

Вера медленно повернула голову.

Вентиляционная решётка над плитой — обычная, пластиковая, белая, засаленная — шевелилась. Её створки приподнимались и опускались. Как будто кто-то за ней дышал.

— Здрасьте, — сказала решётка. — Вера. Андреевна. Внучка. Тринадцать лет в Москве. Синоптик. — Пауза. — Синоптик, господи. Капа так гордилась. Всем рассказывала. «Моя Верка в Москве погоду считает». А мы тут смеялись. Считает она. Погоду. — Решётка фыркнула. Из неё дунуло — холодом, сухо, с запахом полыни. — Погоду не считают, девонька. Погоду — делают.

Вера смотрела на решётку.

Людмила Степановна смотрела на Веру.

— Это Северо-Западный, — сказала соседка. — Ветер. Он в вентиляции живёт. В шахте. С восемьдесят второго года. Дом как построили — так и живёт. — Пауза. — Он ворчливый. Но хороший.

— Я не ворчливый, — сказала решётка. — Я — опытный. Я ещё деда Капиного помню. Аркадия Петровича. Вот тогда дуло! Вот тогда была погода! А сейчас — тьфу. Кондиционеры. Пластиковые окна. Негде разгуляться.

Вера медленно опустилась на табуретку. Прямо в лужу от дождя из-под потолка.

Облако громыхнуло. Сочувственно.

— Я сошла с ума, — сказала Вера. — Девятнадцать часов в поезде. Бабушка в реанимации. Я сошла с ума.

— Не сошла, — сказал Северо-Западный. — Хотя — может, и сошла. Это у вас семейное. Мать твоя тоже говорила — «я сошла с ума». Когда первый раз туман в банку закатала. — Пауза. — А потом привыкла.

Вера подняла голову.

— Мама?

Решётка замолчала. Резко. Как будто кто-то прикрыл заслонку.

— Ничего, — сказал Северо-Западный после паузы. Другим голосом. Глуше. — Неважно. Это Капа тебе расскажет. Если захочет.

Людмила Степановна кашлянула.

— Верочка, — сказала она. — Ты бы к бабушке съездила. В больницу. Её из реанимации в палату перевели. Час назад звонили. Она в сознании. — Пауза. — И очень хочет тебя видеть. Говорит — срочно. Говорит — Дачный на завтра не доварен.

Глава 3. Баба Капа

Капитолина Аркадьевна лежала в палате номер шесть кардиологического отделения городской больницы. На кровати у окна. С капельницей в руке. С датчиками на груди. Бледная. Маленькая — Вера не помнила, чтобы бабушка была такой маленькой.

Но глаза — те же. Серые. Острые. Насмешливые. Как у учительницы, которая видит, что ты не выучил урок.

— Приехала, — сказала баба Капа. Не вопрос.

— Приехала, ба.

— Мокрая. Под Галочкой шла?

Вера села на стул у кровати.

— Ба, — сказала она. — Что происходит?

Капитолина Аркадьевна долго смотрела на неё.

— Видела, значит, — сказала она наконец. — Кастрюлю.

— Видела.

— И Северо-Западного слышала?

— Слышала.

— Ну, — сказала баба Капа. — Значит, слышишь. Значит — наша. — Она закрыла глаза. — Я так и думала. Ты в пять лет с ним разговаривала. Через решётку. Он тебе сказки рассказывал. Про Каспий. Про степь. Про то, как он в двадцать первом году на Царицын пыль нёс. — Пауза. — Ты не помнишь?

Вера не помнила.

Или — помнила? Где-то очень далеко, на самом дне. Голос из вентиляции. Шелестящий. Сказки. «А дальше, Верочка, был песок, и я его поднял высоко-высоко…»

Она думала, это сон.

— Ба, — сказала она. — Ты варишь погоду.

— Варю, — согласилась баба Капа.

— В кастрюле.

— В кастрюле. Эмалированной. Пятилитровой. — Пауза. — Был у меня одно время чугунок. Дедов. Но в нём гроза подгорала. Пришлось на эмаль перейти.

— Это невозможно, — сказала Вера. — Физически. Ба, я синоптик. Я тринадцать лет изучаю атмосферу. Погода — это… это давление, температура, влажность, циркуляция воздушных масс. Это циклоны, антициклоны, фронты. Это — физика. Нельзя сварить дождь в кастрюле.

Капитолина Аркадьевна открыла глаза.

— Верка, — сказала она. — Какой у тебя процент на Камышин?

Вера замолчала.

— Ноль, — сказала она наконец.

— Ноль, — повторила баба Капа. Удовлетворённо. — Тринадцать лет. Физика. Циклоны. Антициклоны. — Она хмыкнула. — А у меня — сто. Сорок лет. В кастрюле.

Вера сидела на стуле. Молчала.

— Твоя физика — правильная, — сказала Капитолина Аркадьевна. Мягче. — Везде правильная. В Москве. В Казани. В Сибири. Там погода — сама по себе. Как получится. — Она помолчала. — А у нас — нет. У нас — по записи. Потому что у нас — Погодник.

— Погодник.

— Погодник, — сказала баба Капа. — Я. Сорок лет. До меня — отец мой, Аркадий Петрович. До него — дед. Мы, Гороховы, с восемнадцатого века тут погоду держим. Когда ещё Камышин был — Дмитриевск, крепость. — Пауза. — Степь, Верка. Тут степь кругом. Сухо-

веи. Засухи. Пыльные бури. Без Погодника тут бы ничего не росло. Ни арбузов, ни пшеницы, ничего. — Она помолчала. — Мы её — уговариваем. Погоду. Чтоб всем хватило. И дождя, и солнца.

— По записи, — сказала Вера.

— По записи, — кивнула баба Капа. — Люди пишут — чего им надо. Свадьба — пусть солнце. Огород — пусть дождь. Похороны — пусть тихо. Рыбалка — пусть без ветра. — Она вздохнула. — А я — развожу. Чтобы всем. Чтобы свадьба — без дождя, а огород рядом — полит. Чтобы рыбаки — без ветра, а яхтсменам на том берегу — ветер. — Пауза. — Это, Верка, самое трудное. Не дождь сварить. Дождь — что, дождь любой дурак сварит. А — развести. Чтоб никого не обидеть.

Вера молчала. Долго.

За окном палаты — она видела — над больницей стояло облачко. Маленькое. Белое. Одно. Как будто сторожило.

— Ба, — сказала Вера. — Зачем ты мне это рассказываешь? Сейчас?

Капитолина Аркадьевна посмотрела на неё. Серыми глазами. Строго.

— Затем, — сказала она, — что я тут неделю пролежу. Минимум. Врач сказал — может, две. — Пауза. — А Дачный на завтра не доварен. И свадьба у Сафроновых. И похороны деда Гурьева. И рыбаки. — Она помолчала. — А в кастрюле — Галочка без присмотра. Она мне весь город зальёт.

— Кто такая Галочка?

— Гроза, — сказала баба Капа. — Молодая. Шестнадцать лет. По-грозовому — подросток. Капризная. Обидчивая. Влюблена в громоотвод на бизнес-центре «Волга». — Она закатила глаза. — Каждый день туда бьёт. Двадцать раз на дню. Влюблённая, видишь ли. Монтёр из Горсвета уже замучился — каждую неделю приходит, проверяет.

Вера смотрела на бабушку.

— Ба. Гроза влюблена в громоотвод.

— Влюблена, — подтвердила баба Капа. — Это у них, у молодых, бывает. Пройдёт. — Пауза. — Наверное.

— И ты хочешь, — медленно сказала Вера, — чтобы я…

— Чтобы ты поварила, — сказала Капитолина Аркадьевна. — Неделю. Пока я тут. — Она протянула руку — ту, без капельницы, — и взяла Веру за запястье. Пальцы были сухие, горячие, сильные. — Ты сможешь, Верка. Ты слышишь Северо-Западного. Ты видела кастрюлю. Ты — наша.

— Я не умею.

— Научишься, — сказала баба Капа. — Северо-Западный подскажет. Он ворчливый, но всё знает. Он при мне сорок лет. При отце — сорок. При деде — пятьдесят. — Пауза. — Журнал — на холодильнике. Там всё записано. Кому что. Варишь — по записи. Мешаешь — по часовой стрелке. Против часовой — будет ливень с градом. А у Людмилы Степановны рассада.

— Ба…

— Соль — щепоть. Не больше. Пересолишь — будет морось на неделю. Перца — не надо, Галочка от перца звереет. Лавровый лист — только если туман нужен. — Капитолина Аркадьевна говорила быстро, чётко, как диктовала рецепт. — Туманы — в банках. На антресоли. Подписаны. Не перепутай: «утренний летний» — это для рыбаков, а «осенний густой» — это на крайний случай, он полгорода накроет. — Пауза. — Ветра — с Северо-Западным договаривайся. Он остальных знает. Восточного не зови — он пьющий.

— Ба, — сказала Вера. — Ветер — пьющий?

— Пьющий, — подтвердила Капитолина Аркадьевна. — С Каспия приходит — и всегда с перегаром. Солёный такой. Наливай ему поменьше.

Вера сидела на стуле. Держала бабушку за руку.

Девятнадцать часов в поезде. Ливень на вокзале. Кастрюля. Облако под потолком. Голос из вентиляции. Пьющий восточный ветер.

Тринадцать лет физики. Красный диплом МГУ. Девяносто четыре процента попаданий по Москве.

Ноль — по Камышину.

— Ба, — сказала она. — А почему ты мне раньше не сказала? Двадцать лет. Я тут жила. Почему?

Капитолина Аркадьевна отвернулась к окну.

Долго молчала.

— Потому что ты хотела уехать, — сказала она наконец. Тихо. — С девяти лет хотела. Я видела. Ты в Москву смотрела. В атласы. В карты. Плакат этот повесила — фронты северного полушария. — Пауза. — Если б я тебе сказала — ты б осталась. Из долга. А я не хотела — из долга. — Она помолчала. — Хватит в нашей семье тех, кто из долга остаётся. И тех, кто из долга уходит.

Вера смотрела на неё.

— Ты про маму?

Капитолина Аркадьевна не ответила.

Над больницей облачко за окном тихо громыхнуло.

— Иди, Верка, — сказала баба Капа. Не оборачиваясь. — Дачный стынет. Варить надо. До полуночи. Иначе к пятнице не успеет.

Вера встала.

У двери обернулась.

— Ба. А если у меня не получится?

Капитолина Аркадьевна посмотрела на неё. Через всю палату. Серыми глазами.

— Получится, — сказала она. — Не сразу. Не так. Не по-моему. — Пауза. — Но получится. Ты ж синоптик. — И вдруг, совершенно неожиданно, улыбнулась. Уголком рта. — Ты, Верка, знаешь про погоду больше, чем я. Про физику. Про фронты. Я этого не знаю. Я — по-бабьи. На глаз. — Она помолчала. — А ты — и так, и так. Тебе будет легче. Если сама себе не помешаешь.

Вера вышла из палаты.

В коридоре было пусто. Пахло хлоркой и больничной едой.

Она дошла до лестницы. Остановилась у окна. Посмотрела на небо.

Над больницей стояло облачко. Белое. Маленькое. Одно.

Оно медленно, неторопливо, как собака, которая идёт рядом с хозяином, двинулось вслед за ней. К выходу. К автобусной остановке. К улице Ленина. К пятиэтажному — нет, девятиэтажному — дому. К пятому этажу.

К кастрюле.

Вера шла по улице и чувствовала его над головой.

И, сама не зная почему, сказала вслух — тихо, в небо:

— Ну пошли, что ли.

Облачко громыхнуло. Коротко. Довольно.

Глава 4. Первая погода

— По часовой, — сказал Северо-Западный из вентиляции. — По часовой, говорю! Ты что, часов не видела?

— Я мешаю по часовой!

— Это против! — Решётка дёрнулась. — Ты смотришь на кастрюлю сверху. А надо — снизу. Как погода смотрит. С земли. С земли — это против!

Было без двадцати двенадцать ночи. Вера стояла у плиты. В бабушкином фартуке — синем, в мелкий горошек, с выгоревшим пятном на животе. С деревянной ложкой в руке. Ложка была длинная, тёмная, обугленная на конце. Бабушка мешала ею сорок лет.

Кастрюля кипела. Без газа.

Внутри — Вера наклонилась и посмотрела, впервые, вблизи, — внутри было не варево. Внутри было небо. Маленькое. Серое. Клубящееся. Как будто кто-то посмотрел сверху на грозовой фронт и уменьшил его до размеров пятилитровой кастрюли. Тучи. Тёмные, тяжёлые, с подсвеченными краями. Между ними — проблески. Иногда — крошечная молния. Ярко-белая, тонкая, как волос. И гром — маленький, глухой, как будто кто-то стучит пальцем по дну.

— Это — Дачный, — сказал Северо-Западный. — Дождь. Умеренный. Пятнадцать-двадцать миллиметров. Капа поставила вчера утром. Он должен к полуночи дойти. — Пауза. — А тут ещё Галочка сидит.

— Где?

— Вон, — сказала решётка. — В углу. Слева. Тёмная такая. С искрами.

Вера присмотрелась. В левом углу кастрюли, у самой стенки, клубилась туча. Меньше остальных. Темнее. Почти чёрная. С фиолетовыми краями. Она дёргалась. Металась. Билась о стенку кастрюли. И время от времени — из неё вылетала молния. Не тонкая, как волос, — толстая, яркая, злая. Била в стенку. Эмаль трескалась.

— Она хочет на волю, — сказал Северо-Западный. — На громоотвод. Каждый вечер так. Капа её держит. А ты — не держишь.

— Как её держать?

— Мешай, — сказал ветер. — По часовой. Снизу. Чтобы Дачный крутился, а Галочка — в середину попала. В середине — спокойнее. Как в глазу бури.

Вера мешала. По часовой. Снизу — то есть, сверху — против. Голова кружилась от этих «снизу» и «сверху».

Тучи в кастрюле закрутились. Медленно. Спиралью. Как циклон на спутниковом снимке. Вера вдруг узнала — это и был циклон. Настоящий. Маленький. С фронтами — тёплым и холодным. С окклюзией. С зоной осадков. Она видела такие на снимках тысячи раз. Она могла бы нарисовать его изобары с закрытыми глазами.

— Северо-Западный, — сказала она медленно. — Это циклон.

— Ну, циклон, — согласился ветер. — А ты что думала? Каша?

— Это настоящий циклон. Только маленький. Вот — тёплый фронт. Вот — холодный. Вот — тыловая часть. — Вера смотрела в кастрюлю, и у неё вдруг перестала кружиться голова. — А Галочка — это кучево-дождевое облако. Конвективное. Ячейка. На холодном фронте. Ей нужна нестабильность. Перепад температур. Поэтому она мечется — ей тесно. Ей нужен подъём.

Решётка помолчала.

— Это ты по-учёному сказала? — спросил Северо-Западный.

— По-учёному.

— Капа так не умеет, — сказал ветер. Задумчиво. — Капа говорит — «Галочка бесится, потому что дура малолетняя».

— Это одно и то же, — сказала Вера. И сама удивилась.

Она взяла ложку. Перестала мешать по кругу. Вместо этого — медленно, осторожно — провела ложкой по краю кастрюли. Там, где был тёплый фронт. Как будто разглаживала. И — чуть-чуть — отодвинула тёплый воздух от Галочки. Дала ей место. Подъём. Чтобы не билась о стенку.

Галочка перестала метаться. Замерла. Потом — медленно, как будто удивлённо, — начала подниматься. Вверх. В середину кастрюли. Выше остальных туч. Распушилась. Стала больше. Шире. Белее по краям.

Молнии из неё перестали бить в стенку.

Одна, маленькая, тонкая — вылетела вверх. Из-под крышки. В потолок. И растаяла.

— Ты гляди, — сказал Северо-Западный. — Ты гляди. Успокоилась.

— Ей нужен был подъём, — сказала Вера. — Конвекция. Её зажали. Тёплым фронтом.

— Капа её сорок лет — мешает, — сказал ветер. — А ты — подвинула.

Вера смотрела в кастрюлю.

В кастрюле — медленно, плавно, ровно — крутился маленький циклон. С Галочкой наверху. Белой, пушистой, спокойной.

— Теперь Дачный, — сказал Северо-Западный. — Его надо вылить. До полуночи. Чтоб к вечеру пятницы дошёл.

— Как вылить?

— В окно, — сказал ветер. — Я донесу.

Вера сняла кастрюлю с плиты. Тяжёлую. Горячую — не от огня, изнутри. Подошла к окну. Открыла.

Ночь была тёплая, ясная, звёздная. Июльская. Над Камышином висела луна. Где-то внизу, на улице Ленина, проехала машина. Лаяла собака.

— Лей, — сказал Северо-Западный.

Вера наклонила кастрюлю.

Из неё не полилось. Вылетело. Поднялось. Серое, клубящееся, с проблесками. Маленький циклон вышел из кастрюли — и начал расти. На глазах. Шире. Выше. Тучи раздувались, как воздушные шары. Через минуту он был размером с балкон. Через две — с дом. Через пять — над городом. Тёмный. Низкий. Медленный.

И Северо-Западный — Вера почувствовала, как дунуло из вентиляции, сухо, сильно, с запахом полыни, — подхватил его. И понёс. На восток. Медленно. Туда, где за городом, за Камышинкой, лежали дачные посёлки.

Галочку он не понёс. Галочка осталась. Над домом. Маленькая, белая. Висела. Смотрела.

— А она? — спросила Вера.

— А она — на завтра, — сказал Северо-Западный. — На вечер. Грозу Капа на субботу ставила. Освежить город. Жара будет. — Пауза. — Если не убежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.